

МИХАЭЛЬ ТСОКОС

**СЛУЧАИ
ИЗ ПРАКТИКИ**

САМОГО ИЗВЕСТНОГО
СУДМЕДЭКСПЕРТА
ГЕРМАНИИ

РАССЛЕДОВАНИЕ
ВЕДЕТ МЕДИЦИНСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

ПАРТИТУРА СМЕРТИ

ОСНОВАНО
НА РЕАЛЬНЫХ
СОБЫТИЯХ

МОЗАИЧНЫЙ УБИЙЦА: КТО
РАСПРАВИЛСЯ С ВЫДАЮЩИМСЯ
ТАТУ-МАСТЕРОМ ЗАПАДА

КРЕСТ С ЗАГВОЗДКОЙ:
ЗАЧЕМ НАПАДАТЬ НА
ДЕВОЧКУ-ИНВАЛИДА -
РЕЗОНАНСНОЕ ДЕЛО
САКСОНИИ

**СМЕРТОНОСНЫЙ
ФАНТОМ:** КЕМ
ОКАЗАЛАСЬ
СЕСТРА ДЕПУТАТА
И ЭКС-МИНИСТРА
ГЕРМАНИИ

**ТАИНСТВЕННАЯ СМЕРТЬ
ШПИОНА ЛИТВИНЕНКО:**
КАК ПОЛОНИЙ-210 ПОПАЛ
В ОРГАНИЗМ РАЗВЕДЧИКА

18+

Тсокос. Медицинский детектив

Михаэль Тсокос

**Партитура смерти. Случаи из
практики самого известного
судмедэксперта Германии**

«ЭКСМО»

2013

УДК 340.6
ББК 58

Тсокос М.

Партитура смерти. Случаи из практики самого известного судмедэксперта Германии / М. Тсокос — «Эксмо», 2013 — (Тсокос. Медицинский детектив)

ISBN 978-5-04-109604-5

Самый известный патологоанатом Михаэль Тсокос снова берется за раскрытие громких дел. В этой книге – не только резонансные для Германии преступления, но и нашумевшая история об отравлении полонием-210 шпиона Литвиненко. Кто-то и сегодня верит, что это дело рук Кремля. А что же показало вскрытие?

УДК 340.6
ББК 58

ISBN 978-5-04-109604-5

© Тсокос М., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

Вступление	6
Палитра смерти	7
Мозаичный убийца	11
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Михаэль Тсокос
Партитура смерти. Случаи из
практики самого известного
судмедэксперта Германии

*Ведь одни во мраке скрыты,
На других направлен свет.
И вторых обычно видят,
Но не видят первых, нет.*
Бертольд Брехт. Трехгрошовая опера

© Диденко Д., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Вступление

Нравятся ли вам сериалы CSI: «Место преступления», «Кости», «Расследование Джордан» или «Анатомия смерти»? Испытываете ли вы приятное волнение, когда симпатичные следователи в изящных туфельках от Гуччи пробираются в канализации американской столицы и вытаскивают части тел из вязкой грязи? В это время вы сидите перед телевизором в уютной теплой гостиной с пультом в руке и готовы переключить канал в любой момент, когда зрелище станет невыносимым. Предвкушаете ли вы всякий раз при просмотре сериала «Место преступления» появление этого странного судмедэксперта, готового сообщить комиссару причину и точное время смерти, просто положив руку на труп? Фанат ли вы криминалистов, порой немного раздражающих тем, что каждое преступление они расследуют вплоть до деталей и, помимо прочего, предоставляют почти все решающие улики для раскрытия дела?

Тогда вы обратились по адресу! В этой книге речь как раз идет о смерти и убийствах, а также о раскрытии преступлений как на месте их совершения, так и на столе для вскрытий, в лабораториях и в суде при использовании таких высокотехнологичных методов, как химикотоксикологические исследования, которые способны доказать отравление с точностью до нанограмм или посредством посмертной многослойной компьютерной томографии, которая за пару кликов определяет, где в убитом скрывается пуля или какие кости сломаны у жертвы насильственного преступления. Но есть одно но: в моей книге вы не найдете вымышленных смертельных случаев, придуманных писателями со слишком богатой фантазией или сценаристами. В книге речь идет исключительно о реальных ситуациях, которые произошли именно так, как я их описываю.

Добро пожаловать в мой мир! Мир, полный отвратительных преступлений, жестокого насилия и удивительных поворотов расследований. Вы убедитесь: на свете нет ничего невозможного.

Добро пожаловать в реальную жизнь.

Майкл Тсокос

Берлин, январь 2013 г.

Палитра смерти

В отличие от педантичных телевизионных следователей, мы, судмедэксперты, в реальной жизни являемся абсолютно нормальными людьми без каких-либо сверхъестественных способностей наших экранных коллег. У нас нет сверхъестественных способностей, мы общаемся без едкого сарказма, а все потому, что наша профессиональная деятельность незначительно сказывается на нас. Мы занимаемся абсолютно нормальным делом, как нам, во всяком случае, кажется. Надо признать, мы располагаем очень узконаправленными знаниями, касающимися самых различных причин смерти. Очень мало людей на планете обладают такими знаниями, и это хорошо.

Мы, судмедэксперты, знаем о смерти все. И поверьте мне, она невероятно разнообразна. Я мог бы составить сухой академический список возможных причин смерти на сотне страниц. Однако такой список даже близко не сравнится с многообразием ее обликов, многогранностью и сложностью всех допустимых ее обстоятельств, с которыми мы ежедневно сталкиваемся в судебной медицинской практике. Кроме того, каждый человек уникален, соответственно, каждая смерть неповторима. Одно лишь бесспорно: существует несколько тысяч причин, способных с различной скоростью отправить человека на тот свет. Несмотря на это, существует всего три вида смерти: ненасильственная, насильственная и неопределенная. При двух последних в игру вступаем мы, судмедэксперты.

Когда кто-то умирает от внутренних недугов, например от инфаркта, от рака или от эмфиземы легких, речь идет о естественной смерти, случившейся по естественным причинам. Она приходит как внезапное, совершенно неожиданное для родных и близких происшествие либо дает о себе знать заранее, заставляя человека долго и мучительно страдать.

Если человек умер от насильственных действий извне, речь идет о неестественной смерти. При этом на начальном этапе неважно, была ли она вызвана колющим ударом ножа, либо выстрелом пули, либо это был несчастный случай, например переезд пешехода легковым

автомобилем или гибель электрика от удара током. Или мы имеем дело с суицидом. В любом случае смерть наступает не от «естественных» причин, а от внешних.

Безусловно, при таких обстоятельствах непременно требуется их выяснение, чем и занимается сначала полиция, а затем судмедэксперт.

Если на момент медицинского осмотра трупа или в начале полицейского расследования не понятно, является ли смерть естественной, тогда речь идет о неопределенной или невыясненной причине. Бывает, что нет данных об обстоятельствах гибели, например, был ли пострадавший до этого серьезно болен или является ли место нахождения трупа действительно местом наступления смерти. В данном случае судмедэксперт выяснит путем вскрытия, идет ли речь о происшествии, вызванном внешними (насильственными) обстоятельствами, или о ненасильственной, вызванной внутренними причинами, например болезни.

Ненасильственная смерть не представляет интереса ни для полиции, ни для прокуратуры, так как не предполагает уголовного наказания. Предварительное расследование прекращается в таких случаях еще до его официального начала. И, напротив, оно продолжится, если будет установлено, что произошло преступление или несчастный случай. Если речь идет о суициде, то расследование также будет прекращено, если только мы не подозреваем заказное убийство или эвтаназию. Таким образом, судебная медицина играет ключевую роль в начале всех предварительных расследований. Она является неотъемлемой частью нашего правового государства, качественно функционирующая, независимая от государственных, ведомственных или личных интересов.

Американские глянцевого сериалы типа CSI «Место преступления» внушают зрителям, что наши американские коллеги имеют преимущество над всеми в отношении судебно-медицинских знаний и навыков. Однако это никоим образом не соответствует действительности, ведь исторически судебная медицина берет свое начало в Германии.

Еще в далеком XVI столетии при правлении императора Карла V был издан закон, предписывающий привлекать медицинских экспертов к решению множества значимых уголовно-правовых проблем, таких как умышленное или непредумышленное убийство, нанесение телесных повреждений, повлекших за собой смерть, детоубийство, врачебные ошибки, – все то, с чем сталкиваются современные судмедэксперты. В те дни появился на свет не только первый немецкий уголовный кодекс, но и судебная медицина как одна из старейших дисциплин, которая восходит своими корнями не только к Германии, но и к Австрии.

В конце XIX – начале XX века в обеих странах при медицинских факультетах многих университетов появлялись первые кафедры судебной медицины, существующие и по сей день.

В Германии врачи, которые хотят приобрести безупречную профессиональную репутацию после окончания вуза и высшие профессорские почести, должны проработать как минимум год-два в престижной американской клинике. Это относится к любой медицинской специальности, кроме судмедэксперта, так как немецкая судмедэкспертиза по-прежнему определяет мировые стандарты. Ни в одном судебно-медицинском институте мира не проводится так много исследований с практическим уклоном, как здесь, в Германии. Статьи наших авторов преваляют в международных СМИ, посвященных судебной экспертизе, и большинство уважаемых журналов, касающихся этой темы, издается в Германии. В наши институты съезжаются ученые со всего мира, включая американцев, которые надеются не только узнать новейшие ноу-хау, но и заработать признание у себя на родине.

Никто не оспорит лидирующие позиции Германии в этой области. Одно из основных направлений этой науки – *судебно-медицинская патология*. Ею занимаются в демонстрационном зале, где, как правило, вскрытия производятся одновременно на нескольких столах. В крупных современно оборудованных институтах отдел *судебно-медицинской диагностики* напрямую соединен с залом для вскрытий, в котором умерших осматривают при помощи *посмертной многослойной компьютерной томографии*. В прошлом, чтобы представить обсто-

яательства дела или дать заключение, судмедэксперты использовали главным образом устную речь и письменное изложение. Они составляли протоколы на двадцати, а то и на тридцати страницах или выступали с речью перед судом. Новейшие радиологические методы диагностики, такие как, например, компьютерная томография, объективны и помогают делать более достоверные заключения.

Биологические жидкости и образцы ткани исследуют в отделе *судебной токсикологии*, если не удалось установить при вскрытии причину смерти или если есть подозрения на отравление. Также здесь проводятся исследования мочи и крови, волос у живых, если, например, суд или дорожная инспекция запросят доказательство отсутствия наркозависимости у правонарушителя.

В нашем отделе *судебно-медицинской генетики* мы расшифровываем ДНК, когда речь идет об установлении личности умершего по костным останкам или по предметам – носителям следов: сигаретному окурку, вагинальному мазку после полового преступления или сработавшей при аварии подушке безопасности, которая при обнаружении ДНК способна привести полицию к поимке сбежавшего виновника ДТП.

Пожалуй, совсем немногим известно, что судмедэксперты изучают также и живых. Этим занимается отдел *клинической судебной медицины*. Основные исследования, которые мы проводим при смертельных насильственных действиях, применимы при обследовании выживших в преступлении. Поэтому следственные органы используют при расследовании типичные вопросы: «Произошло ли преступление именно таким образом, каким предполагаемая жертва его описывает?», «Появились ли повреждения у жертвы, которая в силу обстоятельств (например, кома или провалы в памяти) не может дать показания действительно от падения или удара, или же они обусловлены несчастным случаем?», «Действительны ли показания отца, что его трехнедельная дочка получила травму, упав с пеленального столика, или ребенок получил сотрясение мозга при других обстоятельствах?», «Есть ли на теле женщины, утверждающей, что ее изнасиловали, ранения, подтверждающие ожесточенную самооборону жертвы и жестокое применение насилия со стороны преступника?»

В крупном исследовательском судебно-медицинском институте работают обычно от сорока до шестидесяти специалистов: врачи, химики, биохимики, фармацевты, биологи, ассистенты, подготавливающие вскрытие, медико-технические и химико-технические ассистенты, секретари, стенографисты, водители и студенты с минимальной занятостью.

Доступ в судебно-медицинский институт есть только у тех, кто в нем работает, и у уполномоченных представителей полиции и правосудия. Защитные двери с замками и кодами доступа препятствуют проникновению посторонних в те помещения, в которых хранится доказательственный материал. Однако такой порядок не всегда царил в судебно-медицинских институтах.

Во многих немецких городах в начале XIX века стали появляться морги, это было вызвано увеличением количества несчастных случаев, суицидов и преступлений в индустриальном обществе.

В них родственникам предоставлялась возможность опознать пропавших членов семьи. В конце концов, в то время не было современных СМИ, и лишь у некоторых, кого нашли на углу улицы или достали утонувшим из реки, были при себе документы.

Морги, как правило, были связаны с отделениями судебно-медицинских институтов, где производились вскрытия (сегодня это отдел *судебно-медицинской патологии*). Несмотря на условия тех времен, демонстрационные залы были хорошо освещены, оборудованы морозильными установками и отделены стеклянными перегородками от основного входа, где родные и близкие проходили мимо тел.

В 1925 году Эгон Эрвин Киш писал в своем очерке «Дом жертв» про берлинские морги: «За смотровыми стеклами демонстрационных залов, на кривых досках, покрытые своей одеж-

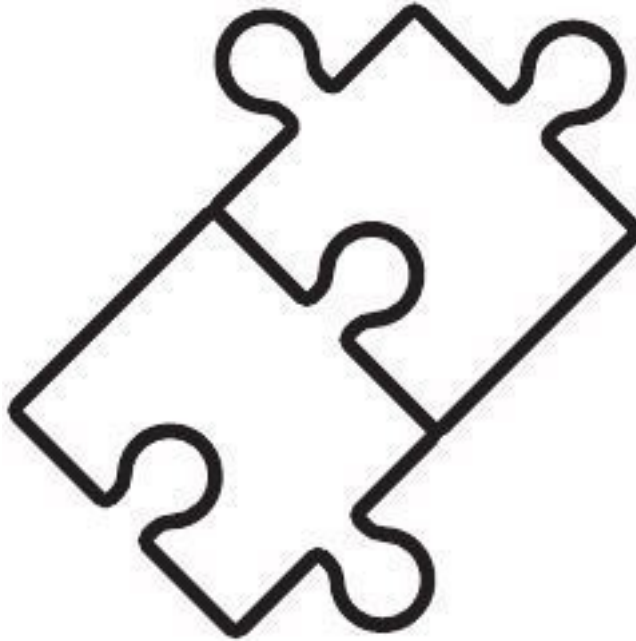
кой лежат неизвестные. Среди них посиневшие и жутко опухшие утопленники с ярлыками „Найден на Шлёсенуфер“, „Найден на реке г. Котбуса“, „Вытащен из реки порта Нордхафен“, „Вытащен из воды на станции вокзала Юнгфернхайде, Шарлоттенбург“ и повешенные из Тиргартена. Мертвецы, лежащие здесь на витринах, уж точно не обделены вниманием живых. Табличка „Морг открыт“ служит приглашением. Кучера останавливаются и ныряют в помещение, оставляя свои повозки на улицах без всякого присмотра, школьники рвутся внутрь, сосед тащит своего соседа из дома или магазина на бесплатное представление». (Эгон Эрвин Киш. Облава на р. Шпрее. Берлинские очерки. Берлин, 1986.)

В обязанности врачей судебной медицины входят выступления в суде в качестве экспертов. Мы представляем заключения по результатам вскрытий, химико-токсикологических исследований, даем рекомендации относительно временного отрезка наступления смерти или опасности тех или иных ранений для жизни жертв, к которым было применено насилие. Наша экспертиза и ее интерпретация служат лишь основанием для дальнейшего приговора. Лично я всегда рад тому, что мне предназначена только роль эксперта. Перед судом я предстаю только в роли научного консультанта, а не в качестве представителя правосудия, принимающего решение.

В судебно-медицинской экспертизе существует что-то, напоминающее сострадание. Даже если судьба покойника никому больше не интересна, есть последняя инстанция, проверяющая, была ли умершему причинена боль. И довольно часто в ходе вскрытия устанавливается, что смерть была насильственной. Ни в одном разделе медицины нет столько нюансов, тонкостей и погружения в глубины человеческой сущности и людских трагедий.

Я желаю вам увлекательного чтения!

Мозаичный убийца

7 июля 2011 года, Берлин

Седьмое июля 2011 года выдалось в Берлине знойным. Пенсионеры Хайнц Грабовски и Курт Мансфельд уютно расположились на берегу реки Шпрее. Они сидели в тени ивы на раскладных стульчиках и рыбачили.

В этот четверг у обоих старичков не ловились ни плотва, ни судак. Однако вместо этого они обнаружили чемодан на колесиках, запутавшийся в зарослях кустарника на берегу реки.

– Странно, – сказал Хайнц Грабовски, – чемодан выглядит совершенно новым! Кто такой бросает в реку?

Приложив усилия, они вытащили чемодан на сушу. Было слышно, как внутри что-то с грохотом перекатывалось взад-вперед. Хайнц и Курт решили открыть чемодан. Недолго думая, они поковыряли замки ножом и открыли крышку чемодана. Внутри него оказался пластиковый синий мешок, перевязанный красной ленточкой.

Курт Мансфельд вскрыл мешок, заглянул внутрь и быстро отскочил назад.

– Этого не может быть!

В пластиковом мешке находилось человеческое туловище:

верхняя часть мужского торса, вся сплошь покрытая яркими татуировками.

Хайнц Грабовски поспешил к своему рюкзаку, сквозь лески и приманки раскапывая мобильный телефон, чтобы немедленно вызвать полицию.

Главный комиссар уголовного розыска Доминик Виттиг и верховный инспектор Беата Люккертц из комиссии по расследованию убийств немедленно начали расследование. Место обнаружения чемодана в берлинском районе Обершёненайд перекрыли по всей траектории, технико-криминалистическая команда обеспечивала сохранность улик на реке Шпрее. В периметре более ста метров вверх и вниз по течению реки оперативные силы полиции разыскивали другие останки.

Однако ни голова, ни конечности неизвестного так и не были обнаружены.

В то время как главный комиссар Виттиг снова просил свидетелей описать, при каких обстоятельствах был найден труп, его коллега Беата Люккертц звонила в институт судебной медицины и просила провести первичную судмедэкспертизу туловища прямо на месте его обнаружения.

Вместе с двумя коллегами доктор Лиlientхаль отправился на восток города. В то время как они въехали в Обершёненайд, синий мешок со страшным содержимым все еще лежал в распахнутом чемодане.

Доктор Лиlientхаль надел перчатки прежде чем с осторожностью вскрыть пластиковый мешок и взглянуть внутрь. Туловище лежало на спине. Его передняя часть была покрыта обширными и поистине искусно нанесенными татуировками.

– Будет лучше, если мы распакуем его в институте, чтобы сохранить все отпечатки, – предложил доктор Лиlientхаль.

Главный комиссар Виттиг согласился.

– Пожалуйста, подготовьте все необходимое для немедленного вскрытия, – сказал он. – Я сейчас же поговорю с прокурором, чтобы он предоставил вам соответствующее поручение. Нам необходимо как можно скорее установить личность жертвы.

– У меня есть идея, – добавил верховный инспектор Люккертц, указывая при этом на ветхое здание не менее чем в ста метрах вверх по течению. – На той стороне располагается тот самый рок-клуб *Хеллбаунд*. Я не удивлюсь, если мужчину из чемодана разрубили на кусочки его приятели, любители рока.

Главный инспектор в раздумьях посмотрел на свою младшую коллегу.

– Множественные тату и зверский характер нанесения увечий – это напоминает преступления в рокерской среде, – согласился он с Люккертц. – А возможно, преступник просто хочет навести нас на ложный след.

Он простился с доктором Лиlientхалем и другими работниками института, отправлявшимся в путь с чемоданом.

– Давайтеждемся вскрытия, – добавил Доминик Виттиг. – Возможно, после него нам станет известно куда больше.

Но опознать труп без головы, рук и ног – задача крайне сложная, что известно главному инспектору. Возможно, в деле орудовали настоящие профессионалы, целенаправленно устранившие те части тела, которые с легкостью можно идентифицировать, а именно лицо, челюсть и руки. Однако опытный криминалист уже не раз в своей карьере сталкивался с тем, что преступник после убийства по неосторожности разделял труп на части, чтобы с легкостью перевезти его. В этой ранней стадии расследования Виттиг не намерен исключать ни единой версии. В расчет берется и насильственное преступление в рокерской среде, и преступление в состоянии аффекта, совершенное случайным убийцей.

Уже вечером того же дня доктор Лиlientхаль и я проводили вскрытие туловища. Сначала пластиковый пакет со всем своим содержимым был взвешен. Вес составил двадцать килограммов.

Затем туловище было извлечено из мусорного пакета командой технико-криминалистического следственного отдела и положено на стол для проведения вскрытия. Сам пакет они забрали с собой, чтобы изучить его технико-криминалистическими методами.

Туловище неизвестного было обильно покрыто волосами в районе груди и плеч и явно принадлежало взрослому мужчине в возрасте примерно от двадцати до тридцати лет.

Голова мужчины была отделена от туловища в районе шеи, а руки – на уровне плечевых суставов. Нижняя линия расчленения проходила примерно в районе пупка выше области таза, тазовые кости полностью отсутствовали. На коже спины – исчезающие трупные пятна, других особенностей нет. По пятнам гниения мы можем установить начавшееся слабо выраженное зеленовато-сероватое изменение окраски мускулатуры в местах отсечения. По результа-

там данной экспертизы доктор Лилиентхаль и я однозначно установили, что смерть наступила порядка 36–48 часов назад. Разумеется, это не просто беспочвенная догадка.

Из внутренних органов в нашем распоряжении были только легкие и сердце, а также небольшие части левой почки и печени. На местах ампутации удивительным образом проявлялись следы разрезов и ударов, которые, на первый взгляд, выглядели так, будто она была выполнена разными инструментами.

Кровоизлияния на коже и под кожей все же не доказывают наличие ампутационных культей. Очевидно, что расчленение жертвы проводилось не по живому телу, иначе бы кровоизлияние из пролегающих там кровеносных сосудов в мягкие ткани было бы куда сильнее.

У умершего – обширные яркие татуировки на передней и задней поверхности верхней части корпуса, которые документирует присутствующий полицейский фотограф. При внешнем осмотре трупа в настоящий момент мы так же подробно описали татуировки. На спине находился сюжет из плетеных канатов и якорей с надписью *SAILORS* на них. На груди вокруг правого соска нанесен рисунок ярко-синего креста, другой сосок украшен розой ветров. На левой и правой сторонах туловища – три сюжета с черепами. На животе вытатуированы две стилизованные ладони с четырьмя пальцами. И наконец, в плечевой области располагалось изображение кинжала, который будто пронзает шею с одной стороны и торчит острием с другой.

Во время вскрытия мы установили обширное кровоизлияние в области шейной мускулатуры: *«Возможной причиной мог бы быть удар кулаком или тупым предметом, – занес я в протокол. – Грубое сдавливание шеи также стоит принять во внимание в качестве причины кровоизлияния»*. Помимо этого, мы обнаружили кровь в бронхах, в обоих легких и большое количество – в пищеводе.

Доктор Лилиентхаль прокомментировал результаты осмотра так:

– Должно быть, жертва незадолго до смерти вдыхала собственную кровь или проглатывала ее.

Я с ним согласился. Учитывая большое количество крови в обоих легких, стоит непременно рассматривать аспирацию крови в качестве причины смерти, другими словами, мучительное удушение кровью, заполнившей легкие, аналогичное тому, как наступает смерть от удушения в воде. Едва ли в начале вскрытия жертвы преступления удастся предвидеть, какие заключения судебно-медицинской экспертизы сыграют решающую роль в уголовном процессе. Но все же с самого начала понятно, что выводы экспертов могут стать решающими для юридической оценки совершенного преступления. И вместе с тем повлиять на выбор меры пресечения. С точки зрения судмедэкспертов, нельзя исключать, что первым делом преступник нанес своей жертве ранения в область рта, носа или глотки, например выстрелом, колюще-режущим предметом или ударом, что привело к мгновенной потере сознания, а впоследствии и к смерти. Нашими методами нельзя уличить преступника в жестокости, какими бы тяжелыми и многочисленными ни были ранения на теле жертвы.

Как и следовало ожидать, мы не способны идентифицировать умершего при вскрытии, однако мы можем отыскать некоторые признаки, указывающие на определенную личность. Мужчина на самом деле мог принадлежать к рокерской субкультуре, учитывая его многочисленные татуировки с соответствующими сюжетами. Нельзя исключать его прошлое в качестве моряка или служащего военно-морского флота, так как на некоторых тату присутствует морская тематика. Несмотря на отсутствие очевидной нацистской символики, убитый мог бы быть связан с праворадикальным сообществом, в котором тату очень популярны. Жестокие акты насилия среди ультраправых, например убийства по приговору тайного суда, не являются чем-то необычным. В общем и целом вскрытие дает много направлений, по которым служащие комиссии по расследованию убийств могут работать, чтобы идентифицировать личность погибшего.

На следующий день уголовная полиция усиленно расследовала дело по различным направлениям. Сопоставление с базой данных пропавших без вести не дало результата. Чемодан на колесиках оказался популярнейшей моделью, продающейся в дешевых универмагах по всему городу. Были опрошены хозяин и владелец рок-клуба *Хеллбаунд*, уверявшие, что в их заведении не потерпят никакого проявления насилия. Хотя их возмущение внешне казалось плохой игрой, но ни в клубе, ни в пристройках на реке Шпрее следователям не удалось найти оснований для недавно совершенного кровавого злодеяния.

Точно так же шли дела у сотрудников уголовного розыска, собиравших информацию в среде скинхедов. Хотя они и столкнулись с большим количеством агрессивно настроенных ровесников, чьи тела, надутые от потребления пива и увлечения бодибилдингом, были усыпаны татуировками, но все же они не обнаружили никаких указаний на личность погибшего, местонахождение остальных частей тела или одного или нескольких убийц.

Ранним субботним утром, спустя два дня после находки чемодана на колесиках, главный комиссар Виттиг завтракал дома. Перед ним лежала ежедневная газета, развернутая на странице с местными новостями, снова с сенсационным заголовком о «расчлененном теле из р. Шпрее». Однако статья содержала всего лишь абстрактные размышления.

Виттиг перелистывал дальше, но его мысли постоянно переносились к таинственному преступлению. Спустя 48 часов после обнаружения торса у них все еще не было ни одной полезной улики, ни одного подозреваемого и даже место совершения преступления не было известно. И как любой опытный криминалист Виттиг понимал, что вероятность раскрытия насильственного преступления по прошествии магических 48 часов существенно падает.

Но вот взгляд главного комиссара упал на объявление. Как раз сегодня в клубе для отдыха *Хакслис Нойе Велт* в районе Хазенхайде перед городскими воротами начинается масштабный тату-фестиваль. Тысячи мастеров и любителей боди-арта соберутся на просторной территории клуба, чтобы продемонстрировать свое мастерство и узнать о новых трендах и сюжетах.

Виттиг схватил телефон.

– У меня идея, – сказал он, как только верховный комиссар Люккертц взяла трубку. – В *Хакслис* сегодня проходит тату-фестиваль. Пошли-ка в Хазенхайде пару наших людей. Пускай они покажут фото татуировок нашего убитого. Возможно, что-то и прояснится.

– Ты действительно считаешь, что это нам чем-то поможет? – Беату Люккертц не особо убедили слова верховного комиссара. – Да почти у всех сегодня есть татуировки.

– Я знаю, – возразил он. – Но большинство ограничивается несколькими более или менее сдержанными тату на не особо чувствительных зонах. Однако верхняя часть туловища мужчины из чемодана почти полностью разукрашена. Клиенты, которые решаются на татуирование в области сосков, по всей вероятности, исключение. Возможно, нам повезет и кто-то вспомнит нашу жертву, когда ему покажут фото.

По всей видимости, Доминик Виттиг сам не был уверен в своем плане. Однако времени у них оставалось все меньше, а помимо татуировок у них не было ничего, что бы помогло им выйти на след жертвы, а вместе с тем, надо надеяться, и преступника.

Итак, они решили отправить всех свободных следователей с увеличенными ксерокопиями фото татуированного туловища прямо в Хазенхайде. Обнаружить художника тату на многотысячном фестивале – почти то же самое, что найти иголку в стоге сена, и тем не менее это шанс.

В эту субботу на территории *Хакслис Нойе Велт* около полудня царило сильное оживление. Группы, исполняющие музыку в стиле хеви-метал, оглушали своим грохотом обычно тихий парк Хазенхайде. В палатках и под открытым небом шла демонстрация татуированных тел, тут же накалывали новомодные творения на спины, руки или на более чувствительные области тела. Мастера со всего света громко праздновали свою очередную встречу. Пиво, виски и водка текли рекой.

Полдня следователи обходили территорию фестиваля. Сотни раз они показывали фотографии и задавали одни и те же вопросы: «Знает ли кто-нибудь мастера, нанесшего эти татуировки?»

Или узнает ли кто-нибудь носителя этих тату по этим увеличенным кадрам?» О том, что речь идет о фотографиях мертвеца, а также о том, что это всего лишь фрагменты, в буквальном смысле слова, следователи предусмотрительно умалчивали.

Сотни раз в ответ на свой вопрос следователи получали лишь покачивание головой и пожимание плечами, пока, наконец, один из следователей, комиссар полиции Саша Могурски, не добился результата. До этого лингвистически одаренному следователю приходилось задавать вопросы чаще на английском или русском, нежели на немецком, так как тату – сфера интернациональная, и многие мастера постоянно путешествуют по свету, с одного фестиваля на другой или из одной популярной мастерской в другую. Молодой человек, которому Могурски после полудня задал вопрос, ответил с тягучим австрийским акцентом.

– Да, конечно, я его знаю, – сказал он, показывая на фото, изображавшее три окрыленных черепа на левой половине торса. – Абсолютно бесспорно, это Хуберт Хойстеттер!

Его самого зовут Тони Гасснер, и, по некоторым источникам, он подающий надежды подрастающий тату-мастер из Штирии.

– Таким образом, – переспросил Могурски, – вы знаете мужчину, носящего эти татуировки на теле? Молодой австриец, смеясь, покачал головой.

– Хуберт Хойстеттер набил на кожу свои произведения искусства уж точно тысяче клиентов. Но посмотрите, вот это его фирменная подпись. – Он показал на малюсенький росчерк под одним из черепов. – Две переплетающиеся буквы Х обозначают Хуберт Хойстеттер. Это подпись художника.

Он засучил правую штанину и оголил икру.

– На мне он тоже себя увековечил, – рассказывал Тони Гасснер. – Русалка нарисована им, только посмотрите. На конце перед рыбьим хвостом вы снова найдете две буквы Х.

Саше Могурски ничего не оставалось, как упасть на колени на пыльный пол перед молодым человеком. Он в упор рассмотрел русалку и обнаружил точно такую же подпись, как и у трех окрыленных черепов на туловище.

– А вообще, почему полиция интересуется его татуировками? – спросил Тони Гасснер. – Вы, часом, его не преследуете?

– Мы просто хотели с ним побеседовать, – ответил комиссар полиции. – Вы видели его в *Хакслис*?

Подающий надежды подрастающий тату-мастер мгновенно стал немногословным. Он пожал плечами и пробормотал что-то непонятное. Однако Могурски сразу все понял: Хуберт Хойстеттер, по всей видимости, находится где-то на территории фестиваля.

Полицейский комиссар схватил телефон и проинформировал руководителя оперативными действиями. Через пять минут у всех следователей, задействованных в деле, на экране смартфона было фото Хуберта Хойстеттера. Спустя десять минут они отыскали мастера в шоу-шатре. В тот момент на сцене демонстрировался новый стиль тату из Майами, и венский мастер внимательно наблюдал за номером.

Когда двое следователей незаметно для посторонних глаз показали ему свои удостоверения и попросили его выйти с ними наружу, Хуберт Хойстеттер отнюдь не выглядел испуганным. Он был разочарован тем, что не продолжит просмотр того, как спину молодой женщины покрывают яркими, светящимися, огненными мотивами.

В конце концов, у мастера боди-арта не было основания для испуга. Его будут допрашивать исключительно в качестве свидетеля, чтобы, по возможности, установить личность убитого. Однако уже не один свидетель, запутавшись во время допроса в собственных противоречивых показаниях, становился подозреваемым.

– Вы набили эти татуировки черепов? – спросил Доминик Виттиг спустя час. – Вы могли бы уточнить, кто этот мужчина?

Хуберт Хойстеттер сидел напротив главного комиссара полиции в его служебной комнате, внимательно рассматривая увеличенные фото татуировок с черепами. Хойстеттеру примерно лет двадцать, он среднего роста, с каштановыми волосами.

«На самом деле, у него совсем непримечательная внешность, – подумал Виттиг, – чего не скажешь о его татуировках, которые покрывают едва ли не каждый квадратный сантиметр видимых участков его кожи. Змеи, зомби, корабли-призраки, черепа».

– Очевидно, что эти татуировки выполнены мной, – ответил он. – И логично, что я знаю мужчину – его зовут Леон Фельдгэртнер. Я набил ему три таких черепа слева и справа выше пояса, – указал он на соответствующие стороны на своем теле. – Мы с Леоном коллеги. Три года назад мы работали в Вене в одной студии.

Комиссар Виттиг обменялся взглядом с Беатой Люккертц.

Верховный комиссар внесла имя Леона Фельдгэртнера в ноутбук. Вскоре она пожалала плечами: ошибка индикации – человек с таким именем не числится в полиции ни как пропавший без вести, ни как объявленный в розыск.

– Не хотите ли вы мне наконец объяснить, о чем идет речь? – спросил Хойстеттер.

Он по-прежнему не выглядел обеспокоенным, но казался все более раздраженным. – Вы думаете, я пропущу все представление в *Хакслис* только потому, что вы задаете мне здесь нелепые вопросы?

– Еще один нелепый вопрос и, как по мне, вы можете идти, – возразил Виттиг. – Когда и где вы видели господина Фельдгэртнера в последний раз?

Хойстеттер наморщил лоб.

– Понятия не имею, – сказал он наконец. – Возможно, два года назад в Лондоне. Но зачем вам это все знать? Если вы хотите пообщаться с ним, вам всего лишь нужно прийти сегодня вечером, в восемь часов, в *Хакслис*, как мы с ним и договорились.

Оба криминалиста вытаращили от удивления глаза.

– Тогда у нас для вас плохая новость, – сказала Беата Люккертц. – Вы не сможете с ним больше увидеться. Мне очень жаль, но он мертв. На данный момент все свидетельствует о том, что ваш коллега Леон Фельдгэртнер был убит.

В тот же день отдел уголовного розыска обратился с призывом к общественности. Теперь у убитого есть, по крайней мере, лицо и имя. Однако обстоятельства его убийства по-прежнему непонятны. И по-прежнему остальные части его тела за исключением туловища не обнаружены.

«Кто видел этого мужчину в последнее время?» – спрашивается у берлинцев на плакатах, в газетах и на местных радиостанциях.

С этой же целью был также размещен портрет жертвы, полученный криминалистами от австрийских властей. Фельдгэртнеру было около двадцати пяти лет, у него темные волосы и густая борода.

Розыск с привлечением общественности дал результат: в комиссию по расследованию убийств обратились некоторые коллеги, клиенты и знакомые Фельдгэртнера.

Главный комиссар Виттиг и его команда опросили их и узнали, что австриец работал приглашенным мастером в двух популярных тату-студиях в центре Берлина: в *Бодензатц* и *Надель-Парадайз*. Свидетели описывали Фельдгэртнера как спокойного и дружелюбного товарища. «Он был немного сумасшедший», – добавил один из них. По их словам, Леон Фельдгэртнер в любую погоду одевался в короткие брюки и гетры. Все свидетели сошлись во мнении, что он был добродушным. У него никогда не было связи ни с рокерской субкультурой, ни тем более с обществом ультраправых.

Никто не мог объяснить, как он мог стать жертвой такого жестокого насилия.

На следующий день, в воскресенье, оперативные силы полиции снова прочесывали реку Шпрее по периметру, где было найдено туловище. Вместе с собаками-ищейками осматривали каждый квадратный сантиметр. Эти специально обученные собаки-поисковики могут учуять самые незначительные следы запахов, и, действительно, одна из них нашла след после многочасового поиска. Два пластиковых мешка запутались в речном кустарнике в километре вниз по течению. Криминалисты технико-криминалистического следственного отдела тут же раскрыли их. В первом находились отпиленные выше колена ноги мужчины, во втором – отделенные ниже плечевого сустава руки.

Главного комиссара Виттига и его коллегу Люккертц поставили в известность по телефону, и они срочно выехали к месту находок.

– Татуировки выдержаны в таком же стиле, как и на туловище, – сказала верховный комиссар. – Стопроцентной достоверности мы добьемся, лишь проведя вскрытие. Мы можем, пожалуй, исходить из того, что речь идет о частях тела Леона Фельдгэртнера.

Главный комиссар Виттиг согласился с ней.

– Теперь же дело за водолазами. Им следует обыскать реку между двумя местами обнаружения улик.

Нижняя часть туловища, бедра и, самое главное, голова умершего по-прежнему отсутствовали. Но уже спустя два часа водолазы обнаружили ожидаемую находку. Они нашли чемодан, увязнувший в грунте. Его подняли из воды, и главный комиссар Виттиг кивнул своей коллеге. Чемодан совпадал по типу с предыдущим, в котором около трех дней назад было найдено туловище.

Тем временем на место находки прибыл мой коллега доктор Лиlientхаль, которого вызвали следователи. В его присутствии был открыт чемодан на колесиках. В нем лежала нижняя часть туловища Леона Фельдгэртнера, включая бедра, опять-таки покрытые татуировками. На нижнюю часть туловища было надето темно-синее белье.

Главный комиссар Виттиг протер лицо рукой. Он очень переутомлен. Уже три дня, практически днем и ночью они расследуют дело убийцы-«мясника», как уже успели окрестить преступника бульварные газеты.

В то время как доктор Лиlientхаль перевозил с помощью специальной службы части тела, Доминик Виттиг общался с руководителем полицейских водолазов. За прошедшее время силы специального назначения обыскали всю реку на отрезке между двумя местами обнаружения улик.

– Где бы ни находилась голова, – подвел итоги руководитель, – на этом отрезке реки Шпрее ее абсолютно точно нет.

«Возможно, она в третьем чемодане плывет дальше вниз по течению, – рассуждал главный комиссар Виттиг. – Однако мы не можем исключить того, что преступник или преступники могли избавиться от нее совсем в другом месте, где-нибудь в городе».

Расследование не продвигалось. Как и прежде, не было никаких следов, указывающих на преступника.

Моментальное вскрытие только что найденных частей тела, проведенное в тот же вечер доктором Лиlientхалем вместе с коллегой из нашего института, не привело к каким-либо значительным открытиям. Леон Фельдгэртнер разместил татуировки даже на пенисе. Вытатуированные изображения на обеих частях туловища четко гармонировали друг с другом, в связи с чем прямо-таки напрашивалась мысль о зловещей игре в пазлы. Неудивительно, что совсем скоро бульварные СМИ окрестят преступника «мозаичным убийцей».

Примечательно, что ни на одной из частей тела, найденных к настоящему моменту, нет признаков, указывающих на насильственные действия, совершенные при жизни жертвы. Судя по отсутствию запекшейся крови по краям ран, конечности, определенно, были отделены от туловища после смерти жертвы.

Следовательно, Фельдгэртнер умер в результате физических воздействий в области черепа. И только когда криминалисты найдут голову жертвы, мы сможем предоставить следователям информацию о том, как был убит австрийский тату-художник.

Вечером 12 июля, спустя пять дней после обнаружения туловища, две прогуливающиеся в берлинском квартале Вединг женщины перепугались до смерти. На берегу спокойного озера Шефер лежал открытый синий пластиковый мешок. Перед женщинами открылась жуткая картина: в синем пакете находилась отрезанная голова бородатого мужчины. Лицо позеленело от разложения и частично было облеплено водорослями. В левой части лица зияла дыра, в которой было видно отсутствие частей верхней и нижней челюсти и части носа.

Конечно же, обе женщины следили за сенсационными сообщениями о предполагаемой личности и мнимых мотивах «мозаичного убийцы» («*Кто же станет его следующей жертвой?*»). Как только к ним более или менее вернулось самообладание, они позвонили в полицию.

По распоряжению прокуратуры вскрытие головы было произведено в вечер того же дня в нашем судебно-медицинском институте. В этот раз я проводил вскрытие вместе с моей коллегой, доктором Леной Пробст. Попрощавшись с женой в девять часов вечера, я велел ей спокойно ждать меня, так как нам предстоит произвести всего лишь вскрытие головы. Однако мое предположение, что вскрытие не займет много времени, оказалось ошибочным. Вскрытие черепа длилось семь часов. Мы начали в 21:30.

Когда мы наконец закончили, за окном уже светало. Убийца изувечил голову жертвы со зверской жестокостью и страшной силой. Однако не только множественность ранений осложняли наше исследование. Нам приходилось действовать медленно и поэтапно, так как это жуткое смертельное насилие совершалось, очевидно, несколькими различными орудиями.

Перед тем как мы непосредственно начали вскрытие, мы провели компьютерную томографию головы. Главный комиссар Виттиг также присутствовал при этом и с нетерпением ждал первых результатов. Поскольку при вскрытии туловища и конечностей не были обнаружены повреждения, повлекшие за собой смерть, Леон Фельдгэртнер умер в результате травм головы.

Исходя из типа и внешнего вида ранений, можно сделать вывод об использованных при этом орудиях и инструментах, а вместе с тем и о почерке преступника, который зачастую выдает его личность.

– Это практически премьера, – говорю я Виттигу, пока на мониторе появляются первые изображения головы Фельдгэртнера.

На самом деле, мы приобрели компьютерный томограф для берлинской судебной медицины совсем недавно.

Леон Фельдгэртнер – один из первых мертвых, которого мы обследуем при помощи этой инновационной технологии.

По сравнению с традиционной техникой вскрытия у посмертной многослойной компьютерной томографии (МСКТ) есть ряд достоинств. Применяемое при МСКТ рентгеновское излучение значительно сильнее, чем при КТ-исследовании живых людей, так как такое излучение уже едва ли может навредить умершим. Мы в судебной медицине извлекаем из этого пользу, потому что при таком излучении можно получать четкое изображение при срезе толщиной в половину миллиметра. МСКТ дает результаты с поразительной точностью, они устанавливаются независимо от эксперта, трехмерно, точно и быстро документируются. В случаях, когда по прошествии долгого времени после совершения преступления, например в случае признания вины, всплывают новые факты или вырисовывается новая картина преступления, можно без труда провести сравнение с заключением, которое было сделано десятки лет назад по результатам МСКТ трупа, сохраненным в формате электронного файла.

Как раз спустя многие годы после ухода из жизни выдающихся людей появляются домыслы, была ли их смерть суицидом или убийством. Например, осталась загадкой смерть Уве Баршеля, бывшего премьер-министра земли Шлезвиг-Гольштейн, которого нашли мертвым. До сегодняшнего дня СМИ все еще гадают, что именно произошло в 1994 году в доме Курта Кобейна в Сиэтле, где солист группы «Нирвана» был найден мертвым с передозировкой героином и простреленной головой. В обоих случаях причины смерти могли бы быть моментально установлены, если бы только существовали электронные носители информации МСКТ с данными о трупе. Но на момент смерти Баршеля, Кобейна и многих других знаменитостей, которые покинули мир при мистических обстоятельствах, у судебной медицины еще не было таких технических возможностей.

Израильские судмедэксперты применили метод посмертной МСКТ уже в конце 60-х годов прошлого столетия. Так как из религиозных соображений они не хотели вскрывать тела летчиков-истребителей, сбитых во время шестидневной войны, им пришла идея исследовать умерших солдат при помощи компьютерной томографии, чтобы получить объяснения их ранениям и в конечном счете выявить причину их смерти. Однако европейская судебная медицина обнаружила преимущества метода МСКТ лишь в 90-е годы прошлого столетия.

Междисциплинарная исследовательская группа в Берне, состоявшая из судмедэкспертов и радиологов, разработала, наконец, основы для практического применения компьютерной томографии в судебной медицине. Но пока МСКТ находится лишь в начале своего пути в нашей области. Сейчас лишь у пяти из приблизительно тридцати судебно-медицинских институтов Германии есть собственный компьютерный томограф. Но уже сейчас внедрение этой техники можно назвать настоящим переворотом, сравнимым с внедрением отпечатков пальцев, означавших революцию в криминалистике и судебной медицине в 1980-е годы.

Наконец, мы приобрели такое устройство для нашего института, потому что оно значительно облегчает не только выяснение обстоятельств, при которых произошло убийство, но и помогает в опознании крайне поврежденных или уже сильно разложившихся тел.

– С недавних пор, – объясняю я главному комиссару Виттигу, – мы перед вскрытием исследуем все случаи детской смерти, а также от огнестрельных ранений, падения с больших высот, дорожно-транспортных происшествий и любую насильственную смерть при помощи нашего компьютерного томографа. Перед тем как сделать первый надрез ножом, мы уже знаем наверняка, где и какие переломы нас ожидают.

С помощью этого устройства мы с точностью до миллиметра можем установить местонахождение пули, не тратя время на ее поиски, как это практически было раньше. Даже отломившееся острие ножа в теле оперируемого больше не несет опасности для патологоанатома, потому что мы заранее знаем, где оно скрывается.

Комиссар Виттиг был впечатлен не меньше всех своих коллег, впервые в действии наблюдавших за новой техникой в зале вскрытий. Он был изумлен качеством исполнения и возможностью заглянуть внутрь тела, просто перемещая мышку. Таким образом, вы можете по своему усмотрению удалить слои ткани, а затем виртуально пробежаться по обнаженным косточкам, чтобы пробраться в глубины в поисках патологических изменений, ранений, инородных тел или прочих отклонений.

Насколько это устройство полезно для работы отдела уголовного розыска, станет понятным как раз сейчас, во время первого испытания в деле о крупном убийстве. На экране отчетливо видно, что верхняя и нижняя челюсть Фельдгэртнера были раздроблены каким-то остроконечным инструментом. Почти двенадцатисантиметровая линия перелома проходит через середину лица.

По линии шляпы мы видим две параллельные, приближающиеся друг к другу остроконечные линии перелома. Учитывая тип повреждения, я предполагаю топор или секиру в качестве орудия убийства.

– Кроме того, преступник атаковал свою жертву очень длинным ножом с одним лезвием или, возможно, колющим предметом, похожим на самурайский меч, – продолжаю я, указывая при этом на соответствующие колото-резаные раны. – Когда вы принесете нам предполагаемые орудия убийства, мы отсканируем их при помощи нашего компьютерного томографа и сопоставим с ранениями на теле. Тогда мы с точностью сможем установить, были ли ранения нанесены именно этими предметами.

Главный комиссар Виттиг внимательно наблюдает за скульптурной трехмерной графикой черепа, медленно вращающегося вокруг своей оси.

– Указывает ли что-то на огнестрельное ранение? – спрашивает он.

Моя коллега доктор Пробст просматривает обширный материал, который со всех сторон и вплоть до самых глубин с поразительной точностью документирует голову Леона Фельдгэртнера.

– Никаких металлических объектов, – объясняет она. – У жертвы не было даже металлических зубных пломб. И уж тем более никаких пуль в головном мозге.

Очевидно, Фельдгэртнер был убит в результате насильственных действий, направленных на лицо и череп.

– Какие из многочисленных ранений повлекли за собой смерть, мы сможем установить только после фактического вскрытия, – добавляю я. – Даже в будущем судебная медицина не обойдется совсем уж без вскрытий.

Традиционное вскрытие не может быть вытеснено новой мультиспиральной компьютерной томографией (МСКТ) как минимум потому, что законодательные органы в уголовно-процессуальном кодексе обязывают вскрывать труп. Независимо от этого, кровоизлияния в тканях и кровь в органах, которые являются для нас решающими для разгадки причины смерти, не могут быть так хорошо выявлены на компьютерной томографии, как при обычном вскрытии. Основным преимуществом МСКТ являются, прежде всего, изображения костных структур и переломов, а также локализация инородных тел, в особенности, если речь идет о металлических предметах.

Но смерть от наркотиков, классическое отравление ядом или непреднамеренная передозировка анестезирующего медикамента не могут быть выявлены с помощью МСКТ. Таким образом, в судебной медицине это великолепное изобретение визуализационной диагностики будет всегда лишь дополнительным инструментом исследования. И нельзя преуменьшать роль химико-токсикологического исследования. Для этого потребуются кровь, биологические жидкости и пробы органов, которые могут быть взяты только при вскрытии. Еще одно достоинство МСКТ в том, что изображения насильственных убийств в бескровном и абстрактном изображении кажутся более приемлемыми для восприятия, нежели цветное фото. Для криминалистов и судмедэкспертов это не играет большой роли, так как мы привыкли к таким зрелищам. Однако для некоторых защитников и судей это, безусловно, имеет значение, и особенно для присяжных на

процессах по расследованию убийств. Они не профессиональные юристы, и когда они получают фотографии со вскрытий, то зачастую настолько потрясены ярко-красной кровью на фото, что больше не слушают речь эксперта с должным вниманием.

Как только у нас сложилось первое впечатление после взгляда на изображения с компьютерного томографа, профессор Пробст, я и ассистентка Катарин Герстен начинаем вскрытие головы.

Первым делом мы внимательно рассматриваем татуировки, украшающие голову Фельдгэртнера. Позади правого и левого уха нанесено изображение парусного судна длиной целых пять сантиметров. Только после того, как Катарина Герстен сбрила волосы на левой части головы умершего, взору предстала дугообразная надпись, огибающая ухо по кругу: *Live to shave* (*Живи, чтобы побриться*).

– В таком случае над правым ухом сто процентов будет: *Shave to live* (*Бриться, чтобы жить*), – предсказываю я и попадаю прямо в цель. Как только ассистент побрила правую половину головы, мое предсказание сбылось. Каждая из надписей составляла примерно девятнадцать сантиметров в длину.

Вопросительный взгляд главного комиссара Виттига не обошел меня стороной.

– Я просто угадал, – ответил я ему. – Эту голову я никогда ранее не видел, не говоря уже о том, что я впервые вижу, как ее бреют!

В общей сложности мы насчитали пятьдесят две раны на лице и голове, нанесенные тупым, полуострым и острым орудиями насилия и располагающиеся прежде всего в области челюсти, лба и черепной коробки. Верхние и нижние челюсти раздроблены с левой стороны.

Под широким понятием «насильственные действия с применением остроконечных предметов» принято классифицировать телесные повреждения, полученные колюще-режущими орудиями. Обычно эти ранения нанесены ножом, мечом, ножницами или другими приспособлениями с острым лезвием. Под понятием насильственные действия с применением рубящих предметов понимаются ранения, полученные секирой, топором, другим острым по краям предметом или инструментом, таким как, например, отвертка или стамеска.

И, наконец, под термином насильственное действие с применением тупых предметов обычно понимают всевозможные формы насильственного воздействия на тело, например удары кулаком, дубинкой, ногой или же падение тела на твердую поверхность или какой-либо объект.

Глубокое повреждение глотки Леона Фельдгэртнера свидетельствует о том, насколько жестоко в нашем случае преступник орудовал рубящим предметом, по всей видимости, топором или секирой. Кровоизлияния в окружающих мягких тканях и мускулатуре доказывают то, что молодой человек на тот момент был еще жив. Это тяжелейшее ранение лицевой поверхности черепа в совокупности с установленной во время вскрытия аспирацией крови в бронхах и обоих легких привели к смерти.

Лобная кость раздроблена и имеет две трещины с острыми краями. Помимо этого, в одной лишь правой макушечной зоне мы выявляем семь ран с запекшейся кровью и рваными краями, что определенно говорит о том, что они были нанесены жертве при жизни. Кости черепной коробки также рассечены ударами топора или секиры, часть мозга выпала наружу. Эти увечья также были нанесены, пока он был жив.

– Убийца, которого вы ищете, господин Виттиг, – сообщаю я в 4:30 утра, подводя итоги вскрытия, – действовал с неоспоримым желанием убить и с чрезвычайной жестокостью. Он системно наносил удары по лицу и голове жертвы топором или секирой, пока та была в созна-

нии. В конце концов Леон Фельдгэртнер скончался от черепно-мозговых травм. В случае, если он при нанесении ранений был в сознании, он терпел адские боли. Как минимум преступник использовал нож, однако в связи с трупными изменениями кожи и мягких тканей лица и головы нельзя с точностью различить, какие колюще-резаные раны были нанесены жертве при жизни. Потом жертву еще и ударили по голове тупым предметом. На данный момент, однако, нельзя установить, о каком именно орудии идет речь.

Спустя ровно неделю после того, как друзья-рыбаки обнаружили тело, в отдел по криминалистике поступил звонок от свидетеля. С тех пор как следователи с помощью СМИ попросили население о содействии в расследовании, телефоны в комиссии по расследованиям преступлений не умолкали. К сожалению, как это часто бывает в подобных случаях, многие звонящие всего лишь желают воспользоваться случаем, чтобы поважничать, оклеветать неудобного соседа или попросту одурачить полицию.

Однако свидетелю, позвонившему вечером 14 июля, необходимо было сообщить что-то важное. Его зовут Олаф Хаазе, ему около тридцати пяти лет, и он содержит бар «*У скорпиона*» в берлинском районе Шёнеберг. Дежурный служащий, вкратце выслушав Хаазе, соединил его напрямую с Домиником Виттигом.

– Мой бар находится посреди квартала, – представившись, объяснил Хаазе главному комиссару. – Среди моих постоянных посетителей есть немало странных типов, если вы понимаете, о чем я.

Виттиг ощутил, что хозяин бара «*У скорпиона*» готов прервать свой рассказ, и сказал, что полностью понимает, о чем тот говорит.

– О чем вы хотели бы мне поведать, господин Хаазе?

Звонящий глубоко вздохнул.

– В общем, одного из моих постоянных гостей зовут Ханк, – продолжил он. – Парнишка сам из Нью-Йорка и в среднем выпивает за вечер вдвое больше всех остальных, вместе взятых.

Он работает тату-мастером в студии *Холи Хаус*, которая расположена здесь, прямо за углом.

Виттиг лихорадочно начал вспоминать *Холи Хаус*. Они же недавно сталкивались с этой тату-площадкой! Но в связи с чем?

– А какая у Ханка фамилия? – перебил Виттиг вопросом, так как хозяин бара на другом конце трубки снова, похоже, готов замолчать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.